

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-555-566

ЧЕРЕЗ «ОЗЕЛЕНЕНИЕ» КАПИТАЛИЗМА К СПАСЕНИЮ МИРА?*

**Рецензия на книгу: Фюкс Р. Зеленая революция:
Экономический рост без ущерба для экологии / Пер. с нем.
М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 330 с.**

Автор книги — известный немецкий политик и журналист, являвшийся сенатором по вопросам окружающей среды в земле Бремен, руководителем фонда Генриха Белля в Берлине, а также один из лидеров немецкой Партии зеленых. Ральф Фюкс принадлежит к тому ее реформаторскому, не радикальному крылу, которое ищет возможности системных экологических реформ в рамках сосуществующих в Западной Европе капиталистической экономики и социально ориентированного государства.

Книга Фюкса написана ясным и энергичным слогом профессионального политического журналиста, не только анализирующего окружающую действительность, но пропагандирующего определенные социально-политические идеалы желаемого будущего. Как и положено политику, Фюкс страстно полемизирует со своими идейными противниками, в основном разделяя их на три категории: циники, не верящие в возможность кардинальных перемен в обществе потребления; пессимисты, полагающие, что именно из-за этого господствующего цинизма мир катится к неизбежной экологической катастрофе; и, наконец, авторитарные экологи, утверждающие, что только некий жестокий эко-диктатор, суровый «зеленый» Сталин сможет насильственным образом спасти экологию планеты, налагая тоталитарные ограничения на использование человечеством природных ресурсов. Есть и четвертая категория оппонентов Фюкса — призывающие в духе средневековых монахов-францисканцев и Альберта Швейцера к личной добровольной бедности в потреблении эко-ресурсов, но, как опытный политик, имеющий дело, прежде всего, с массами, а не с отдельными индивидами, Фюкс полагает, что подобного рода личностный аскетический идеализм вряд ли получит широкое распространение.

Какой же видит глобальную эколого-экономическую ситуацию нашего времени Ральф Фюкс и какие рецепты улучшения общества с точки зрения экологии

* © Никулин А.М., 2018.

предлагает? Фюкс, безусловно, признает, что нынешняя экономическая и экологическая ситуация действительно тревожная и мрачная, возможно, человечество находится в точке бифуркации кризисного проедания природных ресурсов. Поэтому с самого начала и на протяжении всей книги он упоминает многочисленные тревожные прогнозы, отчеты, предсказания ведущих аналитиков Римского клуба и других влиятельных международных организаций, иногда не отказывая себе в удовольствии подчеркнуть, что многие алармистские прогнозы гибели человечества от экологических проблем, начиная с 1968 года, так и не сбылись, а если в конце концов и сбудутся, то скорее всего это произойдет «не завтра», а «послезавтра», значит, у нас еще есть шанс изменить ситуацию в глобально правильном экологическом направлении.

Как и положено немецкому интеллектуалу, Фюкс в начале книги размышляет о духе нашего времени: «Капитализм не имеет имманентных пределов роста. Его суть — перманентная экспансия. Это вступает в противоречие с исконно зеленой мыслью о том, что в ограниченном мире не может быть безграничного роста. Одних в этом экономическом укладе восхищает бесконечный поток новой продукции и потребностей, другим делается не по себе. Их смущает культура успеха любой ценой. Пьянящее чувство восторга от неолиберализма, открывшихся рынков, безудержного обогащения позади. Все больше хочется равновесия между материальным благосостоянием и нематериальными ценностями. Любовь, дружба, порядочность, радость жизни — «The best things in life are free» («Лучшее в жизни бесплатно»). Для многих представителей молодого поколения семья, друзья, работа, не лишенная идеалистических устремлений, важнее потребления и карьеры. Они подписываются под замечательными словами Вольфа Бирмана (немецкого барда и композитора): „Куда приятней проедать достаток, чем дать достатку пожирать тебя“. На передний план выдвинулось стремление иметь стабильный доход, квалифицированное медицинское обслуживание и поддающееся планированию будущее. Чем глубже мир погружается в кризис, тем больше оборонительные, консервативные ценности превалируют над всеми дерзкими мечтами и планами. Похоже, это не просто мода, а признак более серьезных перемен» (с. 25).

Тем не менее, продолжает Фюкс, слишком во многих интеллектуальных рассуждениях в мире, особенно в Европе, чувствуется какая-то надорванность, постоянно упоминается, что лучшие времена для Европы остались позади, центр глобального экономического роста перемещается из Евроатлантики в Азию и Тихоокеанский регион, Китай почти обогнал США, даже Африка пробуждается к энергичному действию, а Европе в этих условиях остается лишь уметь проигрывать, т.е. организовывать планомерное экономическое отступление, сохраняя основы социально ориентированного государства.

Уныние от вялотекущего европейского экономического роста сопровождается в Европе усилением настроений экологического пессимизма. В своем цинически-пессимистическом экологическом отчаянии многие европейцы готовы всерьез рекомендовать миллиардам бедняков Азии, Африки и Латинской Америки, стре-

мящихся к образу жизни и стандартам потребления средних классов Запада, не торопиться в мир, где можно ежедневно принимать ванну, кушать заморские продукты, носить свежестиранную и выглаженную одежду, пользоваться собственным автомобилем, пребывая в сиянии экранов электронных устройств, — ибо весь этот комфорт так безобразно расточителен с экологической точки зрения, что новых многомиллиардных кандидатов в представители средних и богатых классов мира всеобщего потребления наша планета точно не выдержит.

Фюкс кратко характеризует как леворадикальные (например, Рудольф Баро), так и правоконсервативные (например, Йорген Рандерс) концепции экологического противостояния теории и практике безудержного ресурсозатратного экономического роста. Не находя ни на том, ни на другом фланге реалистичных и перспективных альтернатив, он предлагает собственный системный набор социальных и технологических рецептов устойчивого экономического роста без ущерба для экологии. Определив, что экологический след человечества состоит из трех частей — численность населения, уровень потребления и развитие технологий — Фюкс полагает, что негуманно пытаться заблокировать рост населения и потребления, следовательно, остается делать ставку на умные технологии. В основе их принципов работы должны лежать замкнутые циклы круговорота веществ, копирующие и воспроизводящие биологические циклы.

Фюкс с умилением обращается к опыту муравьев. Их биомасса значительно превосходит биомассу всех людей на земле; калорий муравьи потребляют столько, сколько хватило бы на пропитание 30 миллиардов человек (сейчас население земли составляет примерно 7,5 миллиардов); муравьи в массе своей не вегетарианцы и вообще для своих мелких размеров довольно прожорливые твари. Тем не менее муравьиные орды не создают никаких экологических проблем на планете. Более того, муравьи определенно полезны, например, без их неустанной жизнедеятельности начнут погибать леса, особенно быстро леса тропические. Весь секрет муравьиной жизнедеятельности заключается в ее абсолютной безотходности. Что бы муравьи ни употребили, все вновь превратится в питательные вещества в рамках постоянно воспроизводящихся биологических циклов.

Фюкс делает вывод, что надо переориентировать рост современных технологий в сторону развития замкнутых циклов производства и потребления. Он с определенной надеждой упоминает, что крупные транснациональные корпорации (которые принято ругать за негативное воздействие на природу) все охотливее начинают вкладываться в развитие зеленых технологий. Например, компания «Siemens» в 2011 году произвела зеленых товаров (в том числе высокоэффективные газовые турбины, блочные тепловые электростанции, электромоторы, умные системы зданий и сооружений, ветрогенераторы и т.д.) на 30 миллиардов евро, что составило 40% торгового оборота компании. Philips, вторая после Siemens европейская электротехническая компания, в 2015 году инвестировал половину своего оборота в зеленые товары. Фюкс уточняет, что необходимо сотрудничество крупных и мелких компаний в их экологических инновационных поисках, которые должны быть поддержаны активными потребительскими предпочтениями граждан — сторонников экологических инноваций.

В своих экологических исканиях современная техника и технологии должны учиться и расти вместе с природой, задаваясь, возможно, детскими, но все же прагматичными вопросами: как растения преобразуют солнечный свет в энергию, почему безошибочно ориентируются перелетные птицы, отчего на арктическом морозе не замерзают белые медведи, бактерии уничтожают вредные вещества, а паутина прочнее и эластичнее стали, и т.д.

Современная бионика занимается подобными вопросами, выясняя, почему рыбы более обтекаемы, чем все современные надводные суда и подводные лодки, а к белоснежным цветкам лотоса никогда не липнет грязь, и т.д. Если индустриальное общество развивалось за счет избыточного потребления невозобновляемых природных ресурсов, то современное общество должно стремиться к принципиально новому симбиозу технологических и экологических систем, к их коэволюции. И, конечно, в отличие от природных систем, такая коэволюция должна быть осознанной. Капитализм, глобальный и ведущий экономический уклад современности, по-прежнему подвержен рискам и шокам циклического развития, но это лишь означает, что нынешний капиталистический этап обязан позеленеть хотя бы ради выживания и спасения самого капитализма.

Обращаясь к самой знаменитой циклической концепции — социально-экономическим и социально-технологическим циклам Николая Кондратьева — Фюкс, упоминая, что в начале каждого кондратьевского цикла происходили революционные технологические инновации (механический ткацкий станок — паровая машина — электрификация — телевидение — интернет — биотехнологии), предлагает осмыслить наступающий (зеленый) цикл Кондратьева как состоящий из четырех взаимосвязанных инноваций: (1) резкое повышение продуктивности ресурсов, прежде всего за счет роста энергоэффективности; (2) переход на возобновляемые источники энергии; (3) системный экологический дизайн экономики, прежде всего транспортной сферы; (4) биомимикрия — выпуск продукции и организация технологий, скопированных у природы.

Биомимикрия, видимо, особенно дорога Фюксу, поскольку он включает в книгу многочисленные экзотические и оригинальные примеры разработок современных ученых, например, описания роботов-тараканов и роботов-пауков, способных принести людям много всяческой пользы. В целом современная экономика должна трансформироваться в биоэкономику со своими ключевыми технологическими отраслями: бионикой, биороботизацией, биоинженерией. А решив фундаментальные задачи фотосинтеза и превращения углекислого газа из убийцы климата в сырье для новых производств, современная наука даст новый шанс для выживания и развития человечества.

Особое внимание Фюкс уделяет возможным направлениям развития биоэкономики в сельском хозяйстве. Он вполне критически характеризует его современное состояние с точки зрения экологии: «Если вы ознакомитесь со стилистикой экспертизы Совета по биоэкономике, у вас исчезнут всякие романтические представления о крестьянском сельском хозяйстве и его единении с природой... Сельское хозяйство трактуется как агропромышленность... Биологический мир считается просто-напросто средством для достижения цели... растения и животные — био-

машины, производительность которых нужно повысить до предела. Все нацелено на высокие показатели: урожайность почв, растений, надои молока, мясопроизводство» (с. 201). Такой исключительно прагматический подход объясняется растущим дефицитом ключевых сельскохозяйственных ресурсов. Например, земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, становится все меньше: в 1970 году для пропитания одного человека имелось 3800 квадратных метров земли, в 2005 году — 2500, по прогнозам к 2050 году эта цифра сократится до 1800.

Далее Фюкс приводит еще ряд красноречивых цифр: сегодня на одного человека в день производится 4600 килокалорий — это показатель достаточно сытного питания. Но ведь до трети, а по некоторым экспертным оценкам даже до половины сельскохозяйственной продукции пропадает, не дойдя до потребителя, — сгнивая в полях, портясь при транспортировке и хранении, выбрасываясь в мусор. Кроме того, чрезвычайно много сельскохозяйственных ресурсов уходит на производство кормов для скота. Так, США — мировой лидер в производстве кукурузы, но 80% ее урожая идет на корм и производство биотоплива, лишь 11% предназначено для питания людей. В Германии лишь 28% сельхозугодий используется для производства продуктов питания, 12% — для производства биоэнергии, 57% — для производства кормов. Сельское хозяйство потребляет до 70% запасов пресной воды, выбрасывая в атмосферу почти треть парниковых газов.

Сосредотачиваясь на отборе и выращивании высокоурожайных сортов сельскохозяйственных растений, современные аграрные индустрии наносят урон их культурному разнообразию. Так, только в Индии число сортов риса сократилось с 50 тысяч в 1960-е годы до 50 к началу 2000-х годов. Поэтому в движении и идеологии зеленых аграрная индустрия имеет дурную репутацию из-за растрачивания энергии, загрязнения грунтовых вод, оскудения почв и расширения их эрозии, превращения животных в биомашин, трансформации природных ландшафтов в обширные пустыни.

Однако в сельском хозяйстве Фюкс видит и замечательные перспективы для экологического земледелия, органично сочетающего в себе старинные и современные аграрные методы, подкрепляемые новейшими научными открытиями.

К системным мерам экологического земледелия относятся: отказ от химически синтезированных продуктов; удобрение почв животной и растительной органикой, а также природными минералами; севообороты для восстановления плодородия почв; промежуточное выращивание зеленых удобрений; биологическая защита растений; бережная обработка почв; соединение земледелия и скотоводства по принципам замкнутого цикла; сочетание земледелия и агролесоводства.

Впрочем, Фюкс самокритично отмечает, что, хотя спрос и мода на биологическое земледелие растут, оно занимает в современном сельском хозяйстве незначительные позиции. Во всем мире по экологическим принципам лишь около 1,5 миллиона человек возделывали 3,5 млн гектар земли (примерно 0,3% сельхозугодий планеты). Впрочем, в Германии доля биологического сельского хозяйства составляет 6%, а в Австрии даже 16%. Близки к принципам экологического земледелия миллионы традиционных крестьянских хозяйств в развивающихся

странах. Поэтому, несмотря на невысокую производительность труда и низкую урожайность, Фюкс все же ратует за сохранение возможностей развития именно мелких крестьянских хозяйств, тем более что «в большинстве стран мелким крестьянским хозяйствам не уделяется должного внимания, в то время как крупные фермы, часто работающие на экспорт, получают дотации» (с. 209).

Особое направление развития аграрной отрасли — генная инженерия, которая, по мнению Фюкса, и в Германии, и во всем мире разделила людей на два антагонистических лагеря. Сторонники распространения генетически модифицированных продуктов (ГМО-продуктов) как высокоурожайных и высокотехнологичных отмечают их победное шествие по планете. Особенно выделяются четыре вида ГМО-растений, чья доля в посевах в 2010 году составляла: у сои — 77%, хлопка — 49%, кукурузы — 26%, рапса — 21%. В США доля генетически модифицированной сахарной свеклы — 95%. Критики ГМО-продуктов подчеркивают, во-первых, непредсказуемость их долговременного воздействия на здоровье, а во-вторых, что они способствуют усилению экспансии монокультур — обеднению изначального природного биоразнообразия сельскохозяйственной флоры и фауны. Если странам Евросоюза, прежде всего благодаря усилиям их эко-активистов, удастся пока успешно блокировать распространение ГМО-технологий и ГМО-сельхозпродуктов в Европе, то в США доля ГМО-посевов составляет 39%, в Бразилии — 42%, в Аргентине — 72%. А всего в мире около 15 миллионов фермеров сеют ГМО-семена почти на 150 миллионах гектар земли (это 11% пахотных площадей мира).

Не менее искусственные техногенные условия создаются сейчас и в области животноводства в ответ на неуклонный рост потребления мясомолочных и рыбных продуктов, который, по прогнозам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), вырастет за сорок лет — с 2010 по 2050 годы — на 70%. И если экологичной Германии удалось с 1991 по 2008 годы уменьшить потребление мяса на душу населения с 97 до 88 кг в год, то за это же время производство и потребление мяса на душу населения в таких странах, как Китай, Индия и Бразилия, резко выросло. В развивающихся странах с 1980 по 2002 годы потребление мяса на душу населения удвоилось — с 14 до 28 кг в год. Фюкс отмечает, что для диеты вегетарианцев требуется гораздо меньше обрабатываемых сельхозугодий, чем для диеты мясоедов. Поэтому всем беспокоящимся как о своем личном здоровье, так и о снижении нагрузок на сельскохозяйственную эксплуатацию ресурсов планеты следует личным примером поучаствовать если не в полном отказе от мяса, молока и рыбы, то хотя бы в ограниченном потреблении этих продуктов.

Тем временем аграрные наука и техника стремятся по максимуму выжать из домашних животных всю их биологическую продуктивность. В 1950-е годы корова в среднем давала 640 литров молока в год, а в 2011 году — уже 8170 литров, т.е. почти 30 литров в день, что чрезвычайно истощает организм животного. Пастбищный выгон сегодня в Европе — исключение, поэтому подавляющее число коров в Германии (более 4 миллиона голов) живут на бетоне. И коров продолжают «улучшать» во имя максимальной продуктивности, в результате чего у животных

падает иммунитет и рождаемость, они раньше умирают, из-за хронического воспаления вымени четверть коров преждевременно отправляют на бойню. Среднестатистическая корова живет не более пяти лет: два года корову растят, потом она в среднем приносит трех телят, далее теряет силы и ее забивают. Современный коровник на тысячу голов — это настоящая автоматизированная фабрика с роботизированной дойкой и тотальным электронно-цифровым контролем. В роботизированных мега-курятниках толпятся до ста тысяч птиц, в роботизированных мега-хлевах теснятся до несколько десятков тысяч свиней. Чтобы предотвратить эпидемии с фатальными последствиями в таких условиях концентрации, тысячи домашних животных щедро пичкают антибиотиками. Фюкс взывает к современным потребителям, предлагая им умерить свои аппетиты: «Тот, кто желает часто ставить на стол много дешевого мяса и колбасы, не имеет права сетовать на условия массового содержания скота. А как иначе обеспечить миллиарды горожан, которые не способны жить без курочек-гриль, гамбургеров и стейков? Тот, кто признает, что у животных тоже есть достоинство, обязан изменить свое питание... Если животных содержат в неплохих условиях и с ними прилично обращаются, их можно употреблять в пищу. Но тогда ассортимент мяса и колбасы будет более скудный, а сами продукты дороже» (с. 218) [см. также: 1]. По мнению Фюкса, «ежедневное потребление мяса и чистая совесть несовместимы» (с. 231).

Впрочем, что там проблемы с дорогим, негуманно затратным мясом, если обыкновенная вода в ближайшие десятилетия станет острейшей сельскохозяйственной проблемой. Фюкс ссылается на публикацию влиятельнейшего научного журнала «Nature», в которой утверждается, что экологические перегрузки, связанные с интенсификацией поливов в сельском хозяйстве, ведут к снижению уровня грунтовых вод: из 800 мировых мест залегания грунтовых вод 20% истощены. Серьезная угроза из-за нехватки воды нависла над 1,7 миллиардами человек, особенно в сельских регионах Нила, Северной Индии, Пакистана и Калифорнии. Здесь выход из надвигающегося экологического водяного кризиса Фюкс видит в экономно-эффективном использовании воды благодаря новым технологиям. На этом пути бесспорным лидером является Израиль: например, технологии фирмы «Netafim», ведущего разработчика систем капельного орошения в мире, позволяют сокращать потребление воды на 30—70%, увеличивая урожайность до 90%. Что немаловажно, «Netafim» предлагает две основные технологические линейки систем капельного орошения: дорогую — цифровую — и дешевую — собранную из простейших элементов, доступных даже крестьянам развивающихся стран.

По мнению Фюкса, еще не сказало свое последнее слово и почвоведение с программами рекультивации земель. Особенно перспективно агролесоводство: в тропиках широко распространяется многоэтажное сельское хозяйство, состоящее из деревьев, кустарников и травянистых многолетников, — такой опыт пытаются усвоить и применить даже германские фермеры. Чрезвычайно многообещающим является и так называемая «консервирующая обработка почвы», где мировым лидером является Бразилия.

Обращаясь к пригородным зонам, Фюкс рассматривает такой новейший институционально-технологический феномен, как агропарки, интегрирующие аграрные технологии и сельхозпродукты в агро-индустриальных центрах вокруг городов, сочетающих максимизацию эффекта синергии с минимизацией транспортных издержек. Агропарки революционизируют даже такие традиционные и ресурсозатратные агропроизводства, как теплицы. Хотя у экологов индустриальные теплицы давно пользуются недоброй репутацией из-за повышенной энергоемкости, новейшие технологические поколения теплиц, нашедших широкое распространение в такой передовой сельскохозяйственной стране, как Нидерланды, опровергают предвзятое к ним отношение. Во-первых, они сооружаются по принципам замкнутых экологических циклов, а, во-вторых, потрясающе экономичны. В результате если в Испании для полива 1 кг помидоров, выращиваемых в открытом грунте, требуется 60 л воды, то в Нидерландах в теплицах с замкнутым водяным и энергетическим циклом — лишь 3—4 литра.

Большие надежды на зеленую постиндустриальную революцию Фюкс связывает с таким территориально-институциональным направлением сельского развития, как *urban farming* («городское земледелие»), описывая несколько заманчивых агрофутуристических проектов. Так, в Чикаго разрабатывается новейшее направление *urban farming*, получившее название *vertical farming* (вертикальное земледелие) — расположение сельского хозяйства буквально по вертикали. Предполагается, что современные жилые и административные многоэтажки, набитые проживающим и работающим в них офисным планктоном, трансформируются в небоскребы, на многочисленных этажах которых в аквариумах, теплицах и клетках будут последовательно, по цепочке замкнутых безотходных циклов производиться разнообразные продукты питания: аквариумная рыба, тепличные овощи, ягоды, грибы, и домашние животные.

Фюкс поет настоящий панегирик блестящим перспективам *urban farming*, которое означает «не аграризацию города, но урбанизацию деревни, открывает новые перспективы самообеспечения крупных городов и свежими продуктами питания. Можно рассуждать о том, в каком объеме городские фермеры заменят традиционное сельское хозяйство. Но чем выше будет самообеспечение городов, тем меньше будут требования к сельскому хозяйству любыми средствами повышать урожай. Попутно это создает рабочие места и обеспечивает доходы растущему городскому населению. Зелень на крышах улучшает микроклимат и связывает углерод. Овощи и фрукты не нужно “подстраивать” под долгое хранение и перевозку, они будут свежими попадать на стол» (с. 231). Что немаловажно, возникающие на основе *urban farming* местные аграрно-городские кооперативы и огородные товарищества с их локальными рынками будут способствовать укреплению общественных связей и инициатив в городах.

Подводя итог раздела, посвященного возможному будущему сельского хозяйства, Фюкс выступает в целом за многоукладное и альтернативное сельское развитие: «сельское хозяйство будет и дальше диверсифицироваться в рамках широкого спектра, включающего в себя мелкие крестьянские хозяйства, агро-

промышленные центры, экологическое земледелие и городскую агрикультуру» (с. 232). Словно спохватившись, что он слишком вознесся в высоты футурологических прогнозов, Фюкс добавляет: «Было бы однако неверно считать панацеей исключительно высокую продуктивность сельского хозяйства. Подавляющее большинство производителей сельхозпродуктов в мире — мелкие крестьяне; 75% владеют в лучшем случае 2 га земли. Поэтому в целях продовольственной безопасности развивающихся стран важнее всего повышать урожаи мелких крестьянских хозяйств. И здесь право на землю, транспортная инфраструктура, склады, выгодные кредиты, гарантированное энергообеспечение играют такую же большую роль, как и усовершенствование методов земледелия» (с. 232) [см. также: 2].

Кроме биоэкономики и сельского хозяйства, Фюкса также интересуют революция в энергетике и развитие экогородов. Эти разделы книги он наполнил обзором интереснейших фактов и проектов экологического энергетического и урбанистического развития. С удовлетворением отмечая лидерство ФРГ во многих отраслях возобновляемой энергетики (совокупная доля солнечных, ветровых, приливных, биогазовых электростанций в энергетическом балансе Германии достигла внушительных 33%), Фюкс утверждает, что «энергообеспечение, базирующееся на возобновляемых источниках, можно сравнить с паззлом, отдельные фрагменты которого должны точно совпасть друг с другом» (с. 240). Устойчивости этого энергетического экопаззла должны способствовать: многообразие мощностей для производства возобновляемого электричества; мобильное управление резервными электростанциями, расширение и модернизация электросети, включающей в себя центральные ветряные и солнечные станции; электрические аккумуляторы накапливающие колеблющееся ветряное и солнечное электричество; оптимальная синхронизация энергетического спроса и предложения через единую суперструктуру — «умную сеть» (*smart grid*) энергосетей и их баз данных; тесное взаимодействие трех важнейших энергетических секторов — электроэнергетики, тепла и транспорта. Фюкс ставит задачу и общеевропейской интеграции возобновляемых источников энергии в одну сеть — от ветряков Северной Европы до соляных станций Европы Южной. В итоге устареют давнишние дискуссии о предпочтительности централизации или децентрализации в энергетике, поскольку оптимальный путь использования электроэнергии из возобновляемых источников — гибкое взаимодействие централизации и децентрализации.

Что касается современных городов с их жадным потреблением энергии, сырья, земли, транспортными пробками, сточными потоками, мусорными холмами, то их Фюкс величает экокудовищами, тем более что, по прогнозам, к 2050 году городское население земли составит 80%, прежде всего за счет нынешнего стремительного роста городов Азии, Африки и Латинской Америки. Но и здесь, по мнению автора, жизнь, возможно, меняется к лучшему, хотя приходится преодолевать наследие градостроительной идеологии Афинской Хартии Ле Корбюзье с ее печально известным функциональным разделением рабочего, жилого, торгового и культурных секторов городского пространства — «в итоге возникли

широкие транспортные трассы, перерезавшие городское пространство, по которым мимо монотонных жилых кварталов, вбитых в пространства промышленных районов и стерильных центров, циркулировали огромные массы людей» (с. 254). Такое пространственное разделение жизненных сфер разрушает специфику городской жизни с ее естественным смешением шумных жилых кварталов и оживленных публично-пешеходных мест.

Фюкс пытается представить новый экологический город будущего: он будет достаточно компактен, в нем вновь чрезвычайно важной станет роль публичных пространств; городская транспортная система будет представлять собой гибкое переплетение общественного транспорта с электромобилями и велосипедами; экогород будет иметь плотную сеть парков, огородов, садов на крышах, теплиц, зеленых фасадов и уличных аллей. Фюкс предлагает обратить внимание на современный парадокс европейской сельско-городской жизни: во многих городах жизненное пространство для растений, животных, птиц даже комфортнее сельского, где интенсивное сельское хозяйство способствовало обеднению не только флоры, но и фауны. В результате именно в современном Берлине биологи обнаружили самое большое разнообразие животных видов Германии, включая бобров, журавлей, орланов-белохвостов и воронов.

Фюкс в своем экологическом городском обозрении рассматривает несколько амбициознейших экспериментальных проектов интеграции современного города в природу, например, садово-парковый небоскреб «Башня „Городской лес“» (Urban Forest Tower), спроектированный для центра китайского города Чунцина, — «комплекс на грани фантастики из 70 этажей разной формы, смещенных относительно центральной оси, складывающихся в башню высотой 385 метров. В здании множество садов, деревьев, скверов: прямо-таки вертикальный лес, призванный компенсировать потери пейзажа в ходе урбанизации... это насквозь искусственная природа, обустроенная человеком. Но вместе с тем и захватывающий пример возможностей зеленой архитектуры в эпоху гипермодерна, тем более что здание напичкано всем, что могут предложить зеленые технологии» (с. 254).

Впрочем, для Фюкса главное в экогороде — не диковинные экотехнологии, но гражданские экоинициативы, порой действующие на более высоком и компетентном уровне, чем городская администрация, объединяющиеся в фонды и проекты по переустройству городских кварталов в самоуправляющиеся товарищества. Конечно, такое гражданское экологическое городское сообщество сможет эффективно действовать только при условии, что города не будут разделены на поляризованные и автаркические пространства бедных и богатых кварталов и районов, изолированных социальных страт и групп. Поэтому для городов остаются чрезвычайно важными ориентиры сильного и эффективного государства всеобщего (экологического) благосостояния.

В заключительной части книги Фюкс задается вопросом, кто мог бы обеспечить устойчивую экологическую трансформацию планеты, спасая ее от перманентного погружения в пучину экологических кризисов и катастроф, связанных с глобальным потеплением, загрязнением окружающей среды, истощением водных

и почвенных ресурсов, а также запасов полезных ископаемых. С оговорками, не уверенно, предварительно покритиковав возможного спасителя за алчность, Фюкс утверждает, что именно капитализм, точнее его новейший и гуманнейший вариант — экапитализм, способен кардинально изменить ход экологических дел на планете к лучшему. На чем строит Фюкс свои осторожно оптимистические предположения? Во-первых, он обращает внимание на необыкновенную живучесть капитализма, который в своей истории претерпевал, претерпевает и будет претерпевать большие и малые кризисы, всякий раз умудряясь перестроиться и усилиться, несмотря на, а, может быть, благодаря антикапиталистическому сопротивлению рабочего движения начала XX века, антиавторитарному восстанию 1968 года, гендерному движению за права женщин, движению за защиту прав потребителей, а сейчас все усиливающемуся экологическому антикапиталистическому движению. Капитализм вынужден постоянно доказывать, что он гибкая, самообучающаяся система, способная усваивать критический опыт своих страстных оппонентов. К тому же, как отмечает Фюкс, капитализм, будучи ведущим современным социально-экономическим укладом, тем не менее не существует сам по себе, но инкорпорирован в смешанную экономику разных институциональных форм, где современное государство всеобщего благосостояния, ассоциации гражданского общества и домохозяйства в значительной степени определяют и контролируют интересы устойчивого экологического развития.

Все это должно в конце концов способствовать формированию и претворению в жизнь политики экологической трансформации. Например, в условиях рыночной экономики такая политика должна быть направлена на то, чтобы «цены говорили экологическую правду» (с. 295). Кроме того, необходимо усилить охрану всеобщего мирового достояния через усиление роли глобальной кооперации транснациональных экологических институтов. По крайней мере Евросоюзу необходим «Новый зеленый курс», всячески поддерживающий рост экономики инноваций и инвестиций по нескольким общеевропейским стратегическим экологическим направлениям: создание транснациональной электросети на основе возобновляемых источников энергии от Скандинавии до Северной Африки; экологическая модернизация железнодорожного сообщения; развитие системы электрических средств сообщения и исследовательских программ по разработке ключевых экологических технологий. Фюкс завершает книгу следующим патетическим утверждением: «если Европа в будущем не хочет стать музеем под открытым небом, она должна оказаться в авангарде экологического модерна» (с. 303).

В целом от прочтения книги остаются неоднозначные ощущения. Во-первых, само заглавие «Зеленая революция...» подразумевает некий пророческий текст-манифест, страстно и убежденно предсказывающий некоторое кардинально новое экологическое будущее, но талантливый политик и пиарщик Ральф Фюкс все же не тянет на пророка — он слишком рационален, осторожен, почти все время стремится усидеть на стуле умеренной респектабельно-реформистской критической оппозиции, одновременно поругивая капитализм и заигрывая с ним. Во-вторых, удивительно, что именно Европе Фюкс предсказывает путь главного экологиче-

ского локомотива зеленой революции человечества, если в современном глобальном мире США, Китай и многие другие страны, включая Россию [см., напр., проект ее экологической специализации в: 3], стремятся стать лидерами зеленого социально-экономического развития. Тем не менее, как талантливое аналитическое обозрение важнейших инновационно-экологических исканий современности книга Фюкса вызовет заслуженный интерес у широкого круга читателей, хотя правильнее было бы в ее названии использовать слова «эволюция», «трансформация», «реформация», но никак не «революция».

- [1] *Троцук И.В.* Маленькая книга о большой проблеме, или Макровзгляд на то, что мы едим // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. № 3.
- [2] *Троцук И.В.* Социологическая «калорийность»: кулинарное, культурное и пространственное «измерения» еды // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 1.
- [3] *Rodoman B.* Ecological specialization as a desirable future for Russia // *Russian Peasant Studies*. 2017. Vol. 2. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-555-566

‘GREEN’ CAPITALISM AS A WAY TO SAVE THE WORLD?*

**Review of the book: Fücks R. Zelenaya revolyutsiya:
Ekonomicheskij rost bez uscherba dlya ekologii
[Intelligent Growth — The Green Revolution]. Per. s nem.
Moscow: Alpina non-fikshn; 2016. 330 p.**

* © А.М. Nikulin, 2018.